

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 373–379
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 373–379
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-4-373-379>

Научная статья
УДК 331.52

В. Н. Татищев: Прологомены исследовательской программы модернизации России XVIII века (институционально-эволюционный подход)

В. А. Максимов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Максимов Вадим Алексеевич, старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики, maxvad53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0559-9246>

Аннотация. Введение. В. Н. Татищев – один из основоположников изучения российской истории – отличался широтой взглядов на эволюцию общества и хозяйственных порядков. Его экономические взгляды не были так широко обсуждаемы при жизни и мало востребованы впоследствии. Ознакомление с крупными работами затруднено тем, что они практически не были опубликованы – представлены в виде записок, писем и рукописей. Неоднозначность его подходов, выводов, рекомендаций и, соответственно, их оценка отмечалась многими исследователями, занимавшими диаметрально противоположные позиции. Глубокая эрудиция, опора на западноевропейскую философию и российское богословие позволили просветителю создать концептуальные вехи будущей институциональной программы. **Теоретический анализ.** Модернизация общества должна опираться на постоянные изменения существующих законодательных и хозяйственных практик, идеологических представлений, культурных образцов. Такой подход позволяет выделить наиболее эффективные институты (формальные и неформальные правила) с учетом национальной специфики. Методологически устанавливается взаимосвязь изменений государственного администрирования с социальным этосом «по вертикали и горизонтали»; подчеркивается значение социальности экономической культуры как фактора устойчивого развития. **Эмпирический анализ.** Рассматриваемые последовательно хронологически работы по сугубо хозяйственной тематике и правовым основаниям власти подкрепляются значительным массивом писем Петру I, Академии наук, Берг-коллегии и общественным деятелям первой половины XVIII в. По мнению мыслителя, экономическая политика, как на микро-, так и на макроуровне, должна строиться на регламентах, организационной адаптации и рациональных заимствованиях. Выделено качественное описание структуры социальных связей абсолютистской России в виде «физиологии общества», что перекликается с современными концепциями в экономической социологии и новой институциональной экономической теории. **Результаты.** В. Н. Татищева с полным основанием можно считать концептуальным предшественником современной теории институционализма. Как просветитель, он в духе общественной мысли XVIII в. создал введение о значении постоянных изменений экономических и социальных структур России. Императив государственного строительства хозяйства на макроуровне подкрепляется вниманием к микроизменениям в виде регулярных хозяйственных практик, сочетанием в них элементов самобытности и творческого заимствования зарубежных новаций. Эволюционный подход мыслителя перекликается со становлением и развитием экономических воззрений XIX и XX вв., особенно в предпосылках теории периодизации истории и перехода от одного политического порядка к другому на основе изменений институтов (формальных и неформальных правил).

Ключевые слова: институциональные изменения, модернизация, хозяйственные практики, эволюция экономических и социальных структур

Для цитирования: Максимов В. А. В. Н. Татищев: Прологомены исследовательской программы модернизации России XVIII века (институционально-эволюционный подход) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 373–379. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-4-373-379>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

V. N. Tatishchev: Prolegomena of the Russian modernization research program in the XVIII century (Institutional-evolutionary approach)

V. A. Maksimov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim A. Maksimov, maxvad53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0559-9246>

Abstract. Introduction. V. N. Tatishchev, one of the founders of the Russian history studies, was notable for his broad views on the evolution of society and economic order. His economic views were not widely discussed during his lifetime and were not much in demand afterwards. Familiarity with his major works is hampered by the fact that they were almost never published in the form of notes, letters, and manuscripts.

The ambiguity of his approaches, conclusions, recommendations and, accordingly, their evaluation was noted by many researchers who took diametrically opposed views. Deep erudition, reliance on Western European philosophy and Russian theology allowed the enlightener to create the conceptual milestones of the future institutional program. **Theoretical analysis.** Modernization of society should be based on constant changes in existing legislative and economic practices, ideological perceptions, and cultural patterns. This approach allows us to identify the most effective institutions (formal and informal rules), taking into account national specifics. Methodologically, the relationship between changes in public administration and social ethos “vertically and horizontally” is established; the importance of societal economic culture as a factor of sustainable development is emphasized. **Empirical analysis.** Considered chronologically consecutive works on purely economic topics and legal foundations of power are supported by a significant array of letters to Peter I, the Academy of Sciences, the Berg Collegium, and public figures of the first half of the 18th century. According to the thinker, economic policy, both at micro and macro levels, should be based on regulations, organizational adaptation and rational borrowing. The qualitative description of the structure of social relations of absolutist Russia, in the form of “physiology of society”, which resonates with the modern concepts in economic sociology and new institutional economic theory, is highlighted. **Results.** V. N. Tatishchev can reasonably be considered the conceptual forerunner of the modern theory of institutionalism. As an enlightener, in the spirit of eighteenth-century social thought, he created an introduction to the importance of permanent changes in Russian economic and social structures. The imperative of state construction of the economy at the macro level is supported by attention to micro-changes in the form of regular economic practices, combining elements of originality and creative borrowing of foreign innovations. Evolutionary approach of the thinker echoes the formation and development of economic views of the XIX and XX centuries, especially in the prerequisites of the theory of history periodization and the transition from one political order to another on the basis of changes in institutions (formal and informal rules).

Keywords: institutional changes, modernization, economic practices, evolution of economic and social structures

For citation: Maksimov V. A. V. N. Tatishchev: Prolegomena of the Russian modernization research program in the XVIII century (Institutional-evolutionary approach). *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 373–379 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-4-373-379>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Василий Никитич Татищев – один из выдающихся деятелей первой половины XVIII в., последователь и проводник реформ Петра I, зачинатель исторической науки в России, социальный философ, политик и крупный хозяйственный администратор [1, с. 91].

Получив при царском дворе необходимое домашнее образование (включая знание польского и немецкого языков), в 1704 г. был зачислен в армию, принимал участие в Полтавской битве и Прутском походе, где был замечен Петром I. В 1712–1717 гг. (с перерывами) направлялся в заграничные командировки по изучению артиллерийского и фортификационного дела, что сочетал с расширением своего будущего научного кругозора. Приобретение сочинений западноевропейских ученых для Российской академии наук было прямым заданием царя. Пребывание в Германии и особенно в Швеции (1718, 1725–1726), посещение университетов заставило изучить французский, шведский, чуть позже латынь и древнегреческий языки. С 1720 г. Татищев на государственной и административной службе (управление горнорудной промышленностью на Урале, руководство Оренбургской и Калмыцкой экспедицией и комиссиями, губернаторство в Астраханском крае, участие в реформировании Московской монетной конторы). С 1746 г. – в ссылке.

По отзывам современников, главным качеством, признававшимся всеми за Татищевым, было «многознание». Находившийся на русской

службе медик И. Лерх, встречавшийся с Татищевым предположительно в Саратове и Самаре, называл его «известным ученым, который незадолго перед тем устроил Оренбургскую губернию. ... Он говорил по-немецки, имел большую библиотеку из лучших книг, и был сведущ в философии, математике и особенно истории». Другой иностранец, Ганвей, представитель английской торговой компании в Астрахани, отозвался о нем как о мудреце сократовского типа и утверждал, что зависть «к способностям Татищева между учеными» была велика. Эрудицию Татищева особо подчеркивал известный русский историк Г. Вернадский: «...у Татищева была широта кругозора и глубокое чувство связи прошлого с настоящим. Он вносит в понимание прошлого свой личный жизненный опыт... Историю Татищев понимал как народное самопознание» [1, с. 93].

Взгляды просветителя предвзяты положением германской исторической школы XIX в. и эволюционистов XX в. Линию национальной экономической самобытности в России отстаивали авторы первых учебников по народному хозяйству А. Шторх и Х.-А. Шлёцер. Социетальную тематику (соборность, народовластие) проводили в своих сочинениях А. Радищев и В. Воронцов.

Теоретический анализ

Современный институционализм является особой, но входящей в ортодоксальную экономическую науку, теоретической программой. Зародившись на рубеже XIX–XX вв., он почти сразу

распался на несколько направлений: психологическое, правовое, эмпирическое и социальное. Объектная демаркация исходила из трактовок введенного понятия (лат. *Institution* – образ действия, указание; *institutum* – организация, порядок, обычай). Исходя из сегодняшнего уровня науки, этому этапу не хватало аналитической четкости и твердой количественной, верифицированной базы. Методологически переосмысление поля исследования происходит в конце XX в., что выразилось на академическом уровне в присуждении Нобелевских премий и расширении метапредставлений об экономическом развитии системы, общества, коллективных взаимодействиях, организационном и индивидуальном поведении.

Тональность нового подхода задал Д. Норт, выделив значение формальных и неформальных правил (явные и неявные институты); О. Уильямсон рассмотрел организационные (предприятие, фирма) взаимодействия, как внутренние, так и внешние, отдельно выделив оппортунистическое поведение; Э. Остром и А. Грейф сделали акцент на групповых (общинных, корпоративных) притязаниях и предпочтениях. Более поздние работы исследователей сосредоточены уже на механизме институциональных изменений хозяйственных порядков (Д. Норт, Д. Асемоглу), придав им политико-экономический характер. Важность в анализе приобретают хозяйственные практики на макро- и микроуровнях. Миниизменения (Нобелевская премия 2019 г.) должны учитывать этническое и языковое своеобразие, конфессиональную и семейную идентичность или – в широком смысле – культурную составляющую. Инструментально такие изменения можно свести к ситуативным характеристикам, компаративистским обобщениям, структуризации действий. Исследования последнего вида проводятся в рамках короткого временного горизонта, интерпретации подлечит небольшой массив эмпирических данных, нестрогая статистическая оснащенность. Но в то же время «открывает двери» для включения в институциональную теорию близкого аспекта исследований: поведенческую экономику в виде типологических характеристик личности, которые разрабатываются с 1970-х гг. Р. Инглхартом и Ш. Шварцем, а также концепции «подталкивания» в принятии решений Р. Талера (Нобелевский лауреат 2017 г.). Согласно последней, экономический выбор индивида находится в узком диапазоне, психологически неоднозначен, но его можно «направить» централизованно, «неявно», стимулами к изменениям. Предположительно процесс институционализируется, неформальные правила модифицируются и затем закрепляются в новом

правовом поле. Изменения не просто масштабируются, а включают в себя и требуют постоянных новаций с фиксацией нелинейной зависимости.

Концептуально новейшие исследования совершают реверсию ко взглядам «старых» институционалистов. Основоположник данной теории Т. Веблен подчеркивал, что институции представляют собой образ действия, способ мышления, приспособливающий лучшие образцы изменений (природы, социальной среды, хозяйственного обмена) к эффективному использованию. Последователь Веблена Дж. Коммонс утверждал, что этот процесс закрепляется привычкой, легализуется на макроуровне и создает правовую основу хозяйственных порядков. У. Митчелл в своих пионерских работах по эконометрике настаивал, что предпринимательские практики покоятся на инвестициях, инновациях и риске. Дж. К. Гэлбрейт развивал мысль Веблена, отмечая, что почвой институциональных изменений служит идея социальной сплоченности, солидарности и справедливости при совместной (коллективной) деятельности.

Эмпирический анализ

Рассматривая институциональные изменения, выделяемые Татищевым, можно соотнести их с базовыми уровнями анализа структуры общества: мини-, микро-, мезо- и макро-. Его первые сочинения, относящиеся к периоду деятельности на Урале, показывают пристальное внимание к микроизменениям: организационной унификации, профессиональному управлению, регламентации технических заданий, подбору квалифицированных специалистов (в том числе за границей), учету местных внутри- и межхозяйственных отношений, конфликтов. Он пишет в виде записок и указаний: «Наказ комиссару Уктусского завода» (1721), «Наказ комиссару Екатеринбургских заводов» (1723), «Проект Петру I об условиях передачи казенных медных рудников на Урале частновладельческой компании» (1724), «Доношение Анне Ивановне о принятых мерах по увеличению производительности казенных заводов» (1734), «Наставление Канцелярии Главного заводского правления казанских и сибирских заводов (1737) [2].

На мезоуровне хозяйственные практики были подробно рассмотрены в работе «Представление о купечестве и ремеслах» (1748), которая являлась приложением к письму вице-канцлеру М. И. Воронцову. Находясь в опале, Татищев просит использовать рукопись без его имени для исправления дел в этой сфере. «Всею искусным в гражданстве известно, что всякой области богатство, сила и честь происходит един-

ственно от прилежности народа к рукоделиям и доброго состояния купечества». Справочно: В. Н. Татищев на примерах из царствований на Руси показывает последовательное государственное попечительство торговли, особенно при Алексее Михайловиче (Новоторговый устав), создание Петром I «1) Комерц-, 2) Берг-, 3) Мануфактур-коллегии, 4) Главного магистрата, 5) Академию наук и ремёсел». Примечательно, что последний пункт указывает на благотворную роль власти поощрению предпринимательства и всех видов деловой активности, на инициирование новых методов организации и их постепенное внедрение. Примерно в том же ключе о месте государства в рыночной системе писал А. Смит в «Богатстве народов» (1776). Указав, что впоследствии «уставы и учреждения отринуты», необходимо внести исправления, дополнения и учесть перемены, так как без точных правил и ясности законов происходят:

- тотальный обман среди крупных купцов, мануфактурщиков и ремесленников;
- мнимые банкротства;
- мздоимство по поводу откупов и подрядов;
- отрыв вексельных обязательств от других форм денежного обращения, которые не узаконены;
- отсутствие простого купеческого банка по аналогии с Англией и Голландией;
- внутренние и внешние пошлины примитивны («на границе у досмотра искусных меклеров нет»);
- ярмарки не администрированы и не объявляются, «от недостатка ясного закона великий беспорядок» [3, с. 394–396].

По мнению Татищева, Магистрат – главный проводник легитимации хозяйственных отношений – должен следовать испытанным образцам рыночного права: уставам Лейпцига и Франкфурта-на-Майне (Петр I ввел в России адаптированный вариант классического Магдебургского права). Данная работа Татищева еще несет в себе идеологию меркантилистской практики по ограничению конкуренции, но расширяет поле для инноваций, проводящихся «сверху и снизу».

На макроуровне необходимые экономические изменения (модернизация) изложены в записке «Представление Петру I о межевании земель и составлении ландкарт» (1719) и сочинении «Разсуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной» (1747) [3]. Эти работы разделяют почти 30 лет, в течение которых был накоплен огромный опыт по территориальному землеустройству в губерниях и «инородческих» образованиях (Башкирия, Калмыкия, Ногайская

и Сибирская Орда). Общий лейтмотив – улучшение распределения ресурсов и эффективность налогообложения. Хотя эти проблемы ставились в XVIII в. повсеместно в экономических трактатах в Германии (камералисты), Англии (шотландская школа), Франции (физиократы), идеологическая оригинальность Татищева заключается в призыве к социальной справедливости и правовым гарантиям собственности. В иной форме – изменение крепостного состояния крестьян – эта идея входила в конкурсную программу докладов Академии наук под покровительством Екатерины II или в виде продвижения принципов свободного предпринимательства в работах И. Третьякова и С. Десницкого (слушателей А. Смита). В радикальной форме ее (вводя историческую панораму прав собственности) пропагандировал А. Радищев, одним из источников для которого была «История Российская».

В «Представлении...» Татищев, исходя из поручения царя о проверке действительности подворного обложения и выявления точных границ наделов, владений и природных ресурсов, «изыскал некоторые способы» исправить неправомерное толкование указов по «расщеплению собственности» (современный теоретико-институциональный концепт) и «впредь лучшие порядки произвести». Он пишет: «Како всего государства земли по владениям, станам, уездам, провинциям и губерниям размежевать геометрически в недолгое время и пресечь оныя междусобныя вражды и смертные убивства... Како ландкарты или чертежи земель сочинять со объявлением угодий, то есть пашни, лесов, рек, озёр, болот и мест пещаных непотребных, и как оныя содержать, дабы вечно ни войною, ни огнём и ни иным случаем погнута не могли» [4, с. 45].

В «Разсуждении о ревизии...» Татищев высказывает свое мнение об указе 1743 г., выражая несогласие с введенным еще ранее подушным налогом, усиливающим податное бремя, и предлагая уравнивающий в правах поземельный налог. Французский государственный деятель Тюрго накануне революции безуспешно пытался ввести вместо 30–40 видов налогов и обязательных платежей, обескровливающих хозяйственную систему, единый поземельный налог. Сочинение обуславливает принцип «разумного» протекционизма, характерного для Европы XVII–XVIII вв. и остро необходимого для догоняющих по своему развитию экономик, что стало доминирующей тенденцией для США, Германии и России со второй половины XIX столетия.

Татищев отмечает, что ревизия проводится непоследовательно, слишком затянута, «да и то в правильном ее состоянии сумнительно». Он

пишет: «Ревизио есть слово латинское, значит дозор или пересматривание... перепись людей. Причина же сему есть уравнивание окладной дани или сбора с людей». Выдвигаемая им программа преследует целью «умножение правильное доходов благоразудным высокого правительства прилежанием», и этого можно достичь, учитывая опыт предыдущих правителей России (начиная с Ивана III) и фискальные прецеденты в мировой истории, включая перенесенный Петром I шведский налоговой прототип. В информативной, лапидарной форме предлагаются 11 направлений, из которых институционально-тематически можно выделить наиболее репрезентативные: «1). Умножение подданных, которое весьма разными способами учиниться, а ущерб отворотиться может. 2). Учреждение в государстве доброй экономии и домосмотрительства, дабы, елико возможно, работы и труды крестьянства уменьшить и облегчить. 3). В недостатках и небрежениях добрыми законами и крепким надзиранием предупредить и в употреблении к умирности принуждать. 4). Умножение рукоделий или гречески мануфактур, а наипаче тех, которые из родящихся в своём государстве делаются, или те припасы из других государств за свои избытки получать и з прибылью передуывать можно, или зделанные, а не сырые в другие государства продавать, дабы за работы оных свои подданные, а не чужие получали; между сими главнейшие и полезнейшие металльные и минеральные промыслы. 5). Умножение и приведение в доброе состояние внутреннего и внешнего торгу, которое через доброе учреждение прилежное от искусных наставление и надзирание, а наипаче чрез вольность купечества и охранение их от тягосчений умножается, ибо сие есть корень и основание всех богатств и доходов в государстве». Центральным императивом для просветителя является: «9). Главнейшее есть правосудие, требующее таких достаточных ясных законов, чтоб все вражды... в судах можно пресечь». В виде резюме программы Татищев заключает: «Сими способами весьма много можно доход государственный, следственно, богатства, силы и славы преумножить. Но сии способы все можем в уставах, законах и учреждениях... Петра Великого обрести, если кто оные правильно разуметь и употребить может, а к тому мудрых философов политические и экономические книги способствуют» [3, с. 362].

Приобретение знания, точнее, его преумножение, необходимо, по мнению Татищева, чтобы понять «физиологию» принятых и меняющихся порядков хозяйственной и политической жизни страны. Содержательно это смыкается с рас-

суждениями и структурированием общества У. Петти, который статистически стратифицировал экономическое состояние домохозяйств Англии второй половины XVII в. Тематически, знание как фактор прогресса (модернизации), культивирование способностей и лучших образцов хозяйственных практик (с лат. *cultura*, по Цицерону – возделывание души) рассматривается просветителем в сочинениях «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах», «Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном» [3]. Теоретическое обоснование своих идей В. Н. Татищев черпал у европейских мыслителей того времени; круг источников обширен, большинство он переводил сам либо привлекал сотрудников Академии наук. Теория естественного права в лице Г. Гроция, Ж. Бодена, Дж. Локка и особенно Х. Вольфа получила российское историческое преломление.

Готовя материалы к «Истории Российской», Татищев отмечает, что несколько раз за короткий период времени меняются формальные правила крестьянского выхода и Юрьева дня. Это нарушало и сложившиеся неформальные хозяйственные практики, и фундаментальные основания «ряда» податного населения и властвующей верхушки. Правомочия собственности В. Н. Татищев ставил во главу угла. В первой редакции «Истории...» он эскизно ставит проблему влияния права на изменения общества, его «порядки», выделяя божественные, церковные и юридические. Последние основываются на справедливости и должностовании. Моральное обоснование поступков и должествования субъектов влияет на поведение и изменения в обществе [2]. Примечательно, что синхронно об этом пишет английский философ Д. Юм в «Трактате о человеческой природе» (1739–1740), практически опираясь на одни и те же источники.

Знаковой интенцией и постоянным рефлексирующим моментом в творчестве Татищева было обращение к политическим институтам. В «Разговоре двух приятелей...» он продолжает: «Что заключает в себе политика? Политика, или мудрость гражданская, происходит из закона естественного, но разность обстоятельств в том состоит, что оной учит разуметь, что право и что не право, сей же токмо о внешнем, что полезно или вредно быть может. Но сие двояко есть. Первое бо разсуждает о единственном человеке, другое об обществе целом... Но и власти во обществах суть разные, яко порядочные и чрезвычайные. В порядочных разумеется: 1) монархия, или единовластное, как-то Россия, Франция... 2) аристократия или избранными

несколькими персонами... 3) демократия, или общенародное, когда всё общество сами или каждое малое общество от себя, выбирая, определяют с полной мочью, об общей пользе советуют, как-то Голландия, Швейцария...» [3, с. 119]. Сравнивая властные отношения, суждения просветителя двойственны: отдавая предпочтение единовластию и следуя учению о государственной пользе того времени, он с одобрением высказывается о волеизъявлениях народа на Земских Соборах и учете его пожеланий в Судебниках и, особенно, в Соборном Уложении 1649 г. Татищев пишет: «...но понеже в великих всему народу собираться есть невозможно, и для того от неких сообществ, яко провинций или городов, станов, родов посылают выбранных по одному или по два с полной мочью, которые соборы, или сеймы, и парламент именуются» [3, с. 70]. Это суждение корреспондирует с концепциями XXI в. о естественном государстве, порядках ограниченного и открытого доступа, инклюзивных и эксклюзивных институтах.

Результаты

Современная эволюционная теория пока только нащупывает узловые точки предметного поля исследований. Положения (пролегомены), которые выдвинул Василий Никитич Татищев, имеют ряд общих черт с концептуальными гипотезами данной теории и перспективное видение (по Д. Канеману) проблемы. Еще в 20-е гг. XX в. Ф. Найт указывал, что институты снижают неопределенность, а рост экономического знания этому способствует. Ссылаясь на него, Д. Норт выделил три источника институциональных изменений: демография, объем знаний и институты. Институциональная структура исходит из политической структуры, включая права собственности, и социальной структуры (нормы и концепции). Первая создает формальные экономические стимулы, вторая вызвана неформальными стимулами и опосредована культурными установками. «Действие экономической эволюции определяется именно институтами, в создании которых выражается интенциональность игроков» [5, с. 103]. Ф. Хайек в своих произведениях отмечал, что развитие эволюционной теории сопровождалось описанием явлений «с очень общими характеристиками: возникновение не в определенное время и не в определенном месте, а в широком пространственно-временном диапазоне изменений того или иного типа или скорее отсутствие других типов изменений в структуре эволюционного организма» [6, с. 270].

Ученые XVIII в. создавали «гипотетическую» (термин современной историографии)

историю формирования систем и структур, построенную на дедуктивных схемах. Типы институтов могут быть несовместимыми, исходя из разных психологических установок; «распознавание наличия условий... своего рода искусство»: это перекликается с сочинением просветителя «Разговор двух приятелей...». Особенностью экономической политики, по Татищеву, «политика внутренняя или экономия», будет ограниченный присмотр со стороны государства. Его тезисам как бы вторит Ф. Хайек: «...мудрый законодатель или политик... постарается культивировать, а не контролировать силы социального процесса» [6, с. 277]. Особое внимание Татищева к социальным структурам можно характеризовать словами известного эволюциониста Л. Берталянди: «То, что называют структурами, суть медленные долгосрочные процессы, а функции – это быстрые и короткие процессы» [6, с. 292]. Это соответствует постоянному инициированию просветителем регулярности хозяйственно-технологических практики и совершенствованию. Российский исследователь В. Тамбовцев, моделируя процесс институциональных изменений, выделяет в нем блок «изменений знаний индивида»: процессы идут в конкретной, материальной среде; практики есть поведенческие регулярности; неформальные институты можно рассматривать как приспособление и как замещающую, альтернативную норму; институты собственности расширяют правомочия акторов, способствуют свободе и эволюции способов координации в обществе [7, с. 14, 31, 61].

Такие теоретические и методологические подходы вполне коррелируют с воззрениями и размышлениями В. Н. Татищева о значении, месте и условиях институциональных изменений при модернизации государства.

Список литературы

1. Максимов В. А. Политическая экономия и модернизация общества XVIII века в России : экономико-социологические и институциональные подходы в творчестве В. Н. Татищева // Трансформационные процессы в экономике России : сб. науч. ст. Вып. 5. Саратов : Саратовский источник, 2013. С. 91–97.
2. Татищев В. Н. История Российская : в 7 т. Т. 7. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР [Ленингр. отд-ние], 1968. 482 с.
3. Татищев В. Н. Избранные произведения. Л. : Наука, 1979. 464 с.
4. Татищев В. Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М. : Наука, 1990. 440 с.
5. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М. : Изд. Дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 256 с.

6. Хайек Ф. А. Собр. соч. : в 19 т. Т. 15. Рынок и другие порядки. М. ; Челябинск : Социум, 2020. 604 с.
7. Тамбовцев В. Л. Экономическая теория институтов. М. : Проспект, 2016. 176 с.

References

1. Maksimov V. A. Political economy and modernization of society of the XVIII century in Russia: Economic-sociological and institutional approaches in the work of V. N. Tatishchev. *Transformatsionnye protsessy v ekonomike Rossii* [Transformational Processes in the Economy of Russia]. Iss. 5. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2013, pp. 91–97 (in Russian).
2. Tatishchev V. N. *Istoriya Rossiyskaya* [Russian History: in 7 vols.]. Vol. 7. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1968. 482 p. (in Russian).
3. Tatishchev V. N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 464 p. (in Russian).
4. Tatishchev V. N. *Zapiski. Pis'ma. 1717–1750 gg.* [Notes. Letters. 1717–1750]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 440 p. (in Russian).
5. North D. *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmeneniy* [Understanding the Process of Economic Changes]. Moscow, Publishing House of the State University of the Higher School of Economics, 2010. 256 p. (in Russian).
6. Hayek F. A. *Sobranie sochineniy: v 19 t. T. 15. Rynek i drugie poryadki* [Collected Works: in 19 vols. Vol. 15. The Market and Other Orders]. Moscow, Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2020. 604 p. (in Russian).
7. Tambovtsev V. L. *Ekonomicheskaya teoriya institutov* [Economic Theory of Institutions]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 176 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 21.06.2021, после рецензирования 09.07.2021, принята к публикации 06.09.2021
Received: 21.06.2021, revised 09.07.2021, accepted 06.09.2021